

Филология: научные исследования

Правильная ссылка на статью:

Оксенчук В.Н. Компаративистский анализ баллад В.А. Жуковского, Дж.Г. Байрона и В.М. Гюго // Филология: научные исследования. 2024. № 9. DOI: 10.7256/2454-0749.2024.9.71595 EDN: CESLNZ URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=71595

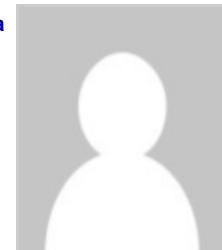
Компаративистский анализ баллад В.А. Жуковского, Дж.Г. Байрона и В.М. Гюго

Оксенчук Вера Николаевна

ORCID: 0009-0006-5796-9420

аспирант; факультет Филологии и массмедиа; КГУ им. К. Э. Циолковского
143301, Россия, Московская область, г. Наро-Фоминск, ул. Шибанкова, 18, кв. 7

 vera-yakushkina@mail.ru

[Статья из рубрики "Литературоведение"](#)

DOI:

10.7256/2454-0749.2024.9.71595

EDN:

CESLNZ

Дата направления статьи в редакцию:

27-08-2024

Аннотация: Объектом настоящего исследования являются баллады В.А. Жуковского, Дж. Байрона и В.М. Гюго. Цель работы: провести компаративистский анализ «Людмилы» В.А. Жуковского, «Абидосская невеста» Дж. Байрона и «Невесты литаврщика» В.М. Гюго. Материальную основу исследования составили работы следующих авторов: Р.С. Буурма, Б.М. Гаспаров, З.Н. Бакалова, А.С. Бакалова. В статье рассмотрена роль эпиграфов в балладах; проанализировано, как в балладах В.А. Жуковского, Дж. Байрона и В.М. Гюго отражены фантастические образы; отмечена разница между стихотворными размерами произведений; проанализировано, каким образом в балладах представлены историко-географические и временные маркеры. Баллады Байрона и Гюго также отличаются по своему отношению к романтическим идеалам. Байрон поставил в центре своих баллад одиночество и мучения героя, а также отражал в них свое негативное отношение к обществу и власти. Гюго, напротив, проповедовал идеалы борьбы и свободы, героического преодоления сложностей. В статье рассматриваются аспекты изучения жанра баллады в отечественном и западноевропейском романтизме. Русская баллада во многом формируется под влиянием фольклорной баллады, как

национальной, так и западноевропейской, и представляет собой неоднородное жанровое образование. Баллады Байрона и Гюго также отличаются по своему отношению к романтическим идеалам. Байрон поставил в центре своих баллад одиночество и мучения героя, а также отражал в них свое негативное отношение к обществу и власти. Гюго, напротив, проповедовал идеалы борьбы и свободы, героического преодоления сложностей и катастроф, что находило отклик в сердцах многих его современников. Сравнительное рассмотрение поэм «Абидосская невеста» Джорджа Гордона Байрона и «Людмила» Василия Андреевича Жуковского позволяет взглянуть на оба произведения сквозь призму романтической литературы, выявить их отличительные черты и общий контекст эпохи, в котором они были созданы. Главное различие между двумя поэмами заключается в культурных контекстах, в которых развиваются сюжеты. На основании вышеизложенного приходим к выводу о том, что баллады В.М. Гюго, Дж. Байрона и В.А. Жуковского демонстрируют наличие как схожих черт, так и различий.

Ключевые слова:

компаративистский анализ, баллады, эпиграф, фантастический образ, стихотворный размер, призрачный всадник, романтизм, Жуковский, Гюго, Байрон

Примерно в одно и то же историческое время, в начале XIX века, три выдающихся литератора разных культур – Василий Андреевич Жуковский в России, Джордж Гордон Байрон в Англии и Виктор Мари Гюго во Франции – создали свои знаменитые баллады. Баллада Байрона «Абидосская невеста» увидела свет в 1813 году, Жуковский завершил работу над балладой «Людмила» в 1820 году, в то время как Гюго опубликовал «Невесту литаврщика» пять лет спустя, в 1825 году. Все произведения, несмотря на схожесть жанра, отражают уникальные особенности своих социокультурных контекстов, что неминуемо повлияло на тематическую структуру и применение литературных приемов. Эти различия в российском, английском и французском литературном каноне делают сравнительный анализ баллад актуальным и позволяют глубже понять механизмы влияния культурных факторов на литературное творчество. Таким образом, настоящая работа посвящается компаративистскому анализу баллад «Абидосская невеста», «Людмила» и «Невеста литаврщика», которые, будучи написаны в сходный период, представляют собой разнообразие взглядов и художественных техник двух разных культурных традиций. Мы стремимся выявить и проанализировать ключевые различия и сходства в образах, мотивах, структуре и языковых средствах, используемых авторами, что позволит более полно осветить их вклад в развитие жанра баллады.

В контексте романтизма баллады Виктора Гюго окутываются туманным миром гротеска и трагизма, и являются одним из наиболее отчетливых выражений этого литературного направления. Проявляясь в поэтических формах, они представляют собой эпические рассказы о происходящих вокруг событиях, пронизанные глубокими чувствами и эмоциями. Они отличаются от баллады, написанной Жуковским, своеобразной стилизацией и присущей им экспрессивностью.

Прежде всего, представляется необходимым акцентировать внимание на наличии или отсутствии эпиграфов. Так, если мы обратимся к сборнику Виктора Гюго «Оды и баллады», то выяснится, что «История» и «Два острова сопровождаются эпиграфами. В первом случае используется цитата на латинском языке: «Ferrea vox Vergilius» (в переводе «Железный голос. Вергилий»), во втором случае авторство не представляется

возможным установить: «Скажи мне, откуда он явился, и я скажу, куда он идет». Схожая ситуация наблюдается в балладе «Невеста литаврщика», которую предваряет следующий эпиграф: «Прекрасна смерть, коль умереть любя», автором которой следует считать французского поэта Депорта.

В связи с этим представляется необходимым проанализировать, с какой целью в литературных текстах используются эпиграфы. В середине восемнадцатого века Словарь Джонсона определял «эпиграф» просто в качестве «надписи», и лишь только в девятнадцатом веке это слово стало регулярно обозначать отрывок или цитату, напечатанную в начале литературного текста в качестве точки отсчета, руководства по интерпретации, примера, или контрпримера, призванного сориентировать читателя в тексте. Полагаем, что современный эпиграф каким-то образом комментирует произведение, с которого он начинается. Это открывает вопросы о том, какой смысл читатель должен извлечь из эпиграфа и применить к тексту. Само существование эпиграфа поднимает вопросы о традиции, авторитете автора и его намерениях. Можно даже сказать, что он помогает создать структурно литературную ситуацию. Смысл того, что эпиграф говорит о тексте, варьируется от относительно ясного до очень двусмысленного или почти непрозрачного.

В связи с этим особый интерес представляет следующий факт: В.А. Жуковский ни в одной из своих баллад не использует эпиграфы: они отсутствуют в «Людмиле», «Алине и Альсиме», «Ахилле», «Двенадцати спящих девах». Полагаем, что указанный факт позволяет сделать некоторые выводы о балладах двух авторов.

Так, Б.М. Гаспаров в своих работах, анализируя функции эпиграфов, вводит понятие «коммуникативное пространство», посредством которого он обозначает «среду, представляемую с помощью мысли», в рамках которой существует высказывание автора [3, с. 95-97]. Иными словами, согласно мнению исследователя, эпиграф служит созданию или интерпретации определенного сообщения, которое автор намеренно доводит до своего читателя.

Кроме того, Б.М. Гаспаров утверждает, что двумя основными функциями эпиграфа являются следующие: информативная и та, что определяет форму произведения. Первая может включать в себя какие-либо сведения о личности автора, а также сведения о содержании следующего за ней текста. Вторая, соответственно, формирует ожидания читателя, вызывая в нем определенные виды эмоций.

Следовательно, можно утверждать, что В.М. Гюго эпиграфами в своих балладах не пытается сообщить что-либо о своей личности читателю, так как он задает тон будущему произведению. Так, цитируя в начале «Невесты литаврщика» Депорта, автор вступает в диалог со своим читателем, как бы предупреждая его об основной теме произведения. В.А. Жуковский, напротив, отказывается вступать в какой-либо диалог со своим читателем. Однако нельзя рассматривать позицию В.А. Жуковского как нечто с обязательной необходимостью негативное. Так, отсутствие напоминаний о смерти в «Людмиле» создает определенную интригу, и до двадцати четвертого стиха судьба жениха Людмилы неизвестна: «Всё погибло: друга нет» [6, с. 240]. Лишь в этот момент читатель начинает понимать основную тему произведения.

Баллады Гюго и Жуковского можно сравнивать, исходя из их сходства в тематике и структуре. Оба автора избирают жанр баллады для выражения своих литературных идеалов и убеждений. Они обращаются к историческим или легендарным сюжетам, чтобы передать свои мысли и чувства через эмоциональное воздействие на читателя.

Однако, они различаются в подходе к представлению баллады. Если Жуковский в своих балладах старается сохранить традиционные формы балладного стиля, то Гюго ломает эти рамки, стремясь преодолеть старые конвенции и создать новое литературное направление. Его баллады отличаются экспрессивностью, динамичностью и гиперболичностью. Это проявляется в его образах, которые сильно зависят от силы идеи, чувственной разбросанности и многословности.

Произведения Жуковского, напротив, стилизованы под архаичные формы, в которых слились красота и горечь, магия и смерть. Его баллады наполнены страстью и таинственностью. Главными героями его баллад становятся трижды проклятые гордыни, погубленные злобой люди. Жуковский в своих балладах стремится проникнуть в глубину человеческой души, показать ее слабости и силу, ее внутренние противоположности и конфликты.

Баллады Гюго, напротив, стремятся преодолеть все эти жанровые ограничения и охватить все искусство и жизнь. В них Гюго создает реалистические образы, описывает реальные персонажи, которые оказываются в странных, необычных ситуациях. Он гордится тем, что в своих балладах он создает новые формы и оригинальные путешествия между мирами реального и воображаемого, между прошлым и настоящим, между жизнью и смертью.

Проводя сравнение баллады Гюго и Жуковского, можно отметить, что Гюго пишет свои баллады больше для того, чтобы шокировать и поразить, чем для эстетического удовольствия читателей. Он не боится использовать жестокие, шокирующие сюжеты, чтобы подчеркнуть несправедливость мира, человеческую жестокость и трагические моменты.

В то же время, Жуковский настроен более меланхолически и романтично. Через свои баллады он стремится выразить свои глубокие эмоции и переживания, вызванные ощущением одиночества и бессилия перед судьбой. Его баллады проникают в самые темные уголки души, где сливаются жизнь и смерть.

Однако, в то же время, необходимо говорить о том, что оба автора обращаются к похожим сюжетам. В балладе «Невеста литаврщика» В.М. Гюго рассказывает о девушке, которая ждет возвращения своего жениха с войны [\[6\]](#). Ее переживания наполнены тревогой, она молится Святой Бригитте о том, чтобы та спасла ее любимого человека. Девушка слышит, что войско приближается, она слышит звуки литавры и обращается к своим родственницам, требуя их рассказать, видят ли они ее любимого среди приближающихся воинов. В конце баллады девушка видит проходящий мимо нее полк литаврщиков и осознает, что ее жених погиб на войне. Не сумев справиться с горем, девушка умирает: «Она застонала и мертвою наземь упала — литаврщики мимо прошли».

В «Людмиле» В.А. Жуковского имеет место схожий сюжет. Читатель видит Людмилу как юную девушку, столкнувшуюся с внезапной смертью своего жениха. Несмотря на то, что молодые люди уже планировали свою свадьбу, в их жизнь вторгается война. В результате девушка сталкивается с шокирующей реальностью и размышлениями о том, как ей жить дальше. В этом заключается одно из различий, характерное для баллад «Невеста литаврщика» и «Людмила». В первой смерть главной героини следует сразу за осознанием гибели мужа, в то время как у В.А. Жуковского смерть жениха лишь начало дальнейшей фантастической истории. Автор вводит в сюжет сказочные образы, среди которых необходимо отметить призрачного всадника, говорящего голосом жениха Людмилы: «Тихо брякнуло кольцо... Тихим шепотом сказали... (Все в ней жилки

задрожали) То знакомый голос был». Несмотря на то, что сам по себе образ восставшего из мертвых жениха вызывает в читателе чувство страха, полагаем, что В.А. Жуковский делал акцент не столько на женихе, сколько на способе его передвижения – на коне.

И хотя конь отсутствует в «Невесте литаврщика», анализ произведений различных авторов позволяет утверждать, что образ «дьявольского коня» часто присутствует в литературе. Как утверждают А.С. Бакалов и З.Н. Бакалова, Г.А. Бюргер, немецкий поэт, в своей балладе «Ленора» обращается именно к этому образу. Так, в «Леноре», сюжет которой также очень похож на «Невесту литаврщика» и «Людмилу», именно мертвый конь приносит главной героине мертвого возлюбленного и впоследствии становится сопутствующим условием ее гибели [\[2\]](#).

Примечательно, что, создавая художественное пространство произведения, В.А. Жуковский обращается к описанию природы. Так, появление призрачного всадника сопровождается следующим описанием природы: «солнце за горами», «мрачен дол», «мрачен лес», «с гор простерты длинны тени», «месяц тучами закрыт» и так далее. Однако если мы акцентируем внимание на временных маркерах произведения, то они фактически отсутствуют: не представляется возможным установить, события какой эпохи пытается описать автор. Единственные слова, позволяющие условно «привязать» произведение к определенной исторической эпохе: «рать славян», «панцирь».

В отличие от «Невесты литаврщика», в этой балладе нет специфически средневековых элементов, кроме ее формы и атмосферы суеверного ужаса, окутывающего описанные события. Однако она тоже участвует в возвращении к прошлому, к наивным, народным формам и национальным мифам Руси, даже если вневременность произведения не позволяет использовать какой-либо местный колорит.

Представляется необходимым отметить диалогичность баллады В.А. Жуковского, выражающуюся в диалоге Людмилы как с ее матерью, так и с призрачным всадником. Образ матери представляет собой выражение добра, светлого, божественного начала, пытающегося убедить дочь в том, что дальнейшая счастливая жизнь даже в отсутствие любимого возможна.

Призрачный всадник, напротив, является образом тьмы, дьявольского начала, убеждающего Людмилу в том, что жизнь без любимого невозможна. Полагаем, что с помощью баллады В.А. Жуковский стремился продемонстрировать свои религиозные взгляды. Так, автор симпатизирует матери главной героини, которая пытается убедить свою дочь в необходимости принятия реальности такой, какая она есть: непостоянной и подверженной изменениям. Однако Людмила, противопоставляя себя Божественному замыслу, требует смерти. Ее слабость, нежелание взглянуть на положение дел трезво становится причиной ее будущей смерти. Стихотворный размер «Людмилы» – четырехстопный хорей.

В.М. Гюго уделяет гораздо больше внимания описанию армии и рыцарей. Местный колорит присутствует в гораздо большей степени, чем у В.А. Жуковского. Архаизмы в изобилии: «l'arrière-ban», «les barons» в средневековом смысле «chevaliers», «les preux», «les timbaliers», «pourpoint» и так далее. Что касается стихотворного размера, то в оригинале В.М. Гюго использует октослог, короткий стих средневековой баллады, создающий впечатление простоты. В пятистрочных строфах смешиваются перекрестные и плоские рифмы. Иными словами, историко-географическая обстановка определена гораздо точнее, чем в «Людмиле».

В.М. Гюго также подчеркивает некоторые черты средневековых нравов, в частности,

важность религиозных обрядов: три строфы посвящены молитвам девушки о возвращении жениха. Это важный элемент для католического и В.М. Гюго того времени: Средневековье рассматривается как время веры и привязанности к католицизму.

И хотя сказочность и фантастика не присутствуют в балладе В.М. Гюго в таком виде как у В.А. Жуковского, зло, тем не менее, появляется через традиционную фигуру «колдуньи-цыганки», предсказывающей смерть литавриста, а также молодой девушки.

За этим следует описание парада армий. Задумка В.М. Гюго заключается в том, что он пытается максимально отложить концовку произведения, в которой рассказывается о жестокой смерти девушки, путем подробного описания различных армейских корпусов в течение четырех строф: пикинеры, бароны, священники, герольды, тамплиеры, лучники, затем литавры. В результате надежды молодой девушки сохраняются до самого последнего момента:

Таким образом, сверхъестественное у В.М. Гюго гораздо более сдержанно, чем у В.А. Жуковского. Смерть девушки можно объяснить естественным образом, даже если предсказание цыганки наводит на мысль о дьявольском вмешательстве. В.М. Гюго гораздо больше внимания уделяет описанию средневековой атмосферы, напоминающей картины трубадуров. Оригинальность баллады заключается еще и в том, что все происходит с точки зрения девушки, без вмешательства стороннего рассказчика, за исключением конца. В балладе нет диалогов, что встречается довольно редко. Девушка говорит на протяжении всего стихотворения, обращаясь либо к своим прошлым действиям, либо к зреющим, которое предстает перед ее глазами. Смена точки зрения в конце произведения создает разрыв, который делает ее внезапное исчезновение более ощутимым.

Одним из ключевых сходств между «Абидосской невестой» Байрона и «Невестой литаврщика» Гюго является их основная тема - любовь. Обе баллады рассказывают о невозможности или трагическом исполнении любви. В «Абидосской невесте» речь идет о трех братьях, которые пытаются завоевать сердце Абидосской невесты, но она отказывается от всех троих, их разборки приводят к ее смерти. В «Невесте литаврщика» рассказывается история о молодой девушке Анне, которая влюблена в литавра, но ее отец выдает ее замуж за богатого жениха. Несмотря на свою несчастную судьбу, оба персонажа остаются верными своей любви, их трогательные истории вызывают сочувствие и эмоциональное отклик.

Еще одно сходство между балладами состоит в использовании поэтами стилевых приемов и образов. Оба текста содержат богатый язык, метафоры и символы, которые помогают передать запечатленные в них эмоции и идеи. В «Абидосской невесте» часто встречаются символы воды, света и тени, которые являются ключевыми элементами сюжета. Также здесь присутствует мотив песни, который играет важную роль в развитии сюжета. В «Невесте литаврщика» символом любви становится литавр - музыкальный инструмент, который связывает героев и позволяет им сохранить свою связь даже после их разделения.

Однако, несмотря на эти общие черты, «Абидосская невеста» и «Невеста литаврщика» также имеют свои особенности и отличия. В первой балладе присутствует элемент фантастики - герои волшебным образом преобразуются в разных животных. В «Невесте литаврщика» больше акцентируется внутренний мир героини - мы видим ее чувства, переживания и внутренний конфликт между обязанностью и любовью.

Изначально баллады Гюго имели некоторое сходство с балладами Байрона, особенно в

их структуре и стиле. Оба поэта использовали форму баллады для изображения событий, поражающих своей трагической интенсивностью и глубокой человеческой психологией. Оба поэта также стремились передать свои эмоции и чувства через яркие образы и общественно значимые темы.

Однако, несмотря на эти общие черты, баллады Гюго имели существенные отличия от баллад Байрона. Во-первых, Гюго по-новому подошел к вопросу о герое. Если герои Байрона часто были одиночками, постоянно конфликтующими с обществом, то герои Гюго представляли собой типичных представителей общества, которые сталкивались с внешними обстоятельствами, вынуждая их совершать яркие и драматические поступки.

Кроме того, баллады Гюго отличались экспериментами с формой. Поэт использовал множество приемов, чтобы выразить свои идеи и эмоции. Он использовал необычные рифмы, изменил стандартную структуру баллады, внедрял разнообразные литературные источники, чтобы создать более сложные и глубокие образы.

Еще одним важным отличием баллад Гюго от баллад Байрона является использование философских тем. Гюго был знаком со множеством философских концепций своего времени и в своих балладах часто отражал вопросы существования, свободы и справедливости. Поэт отождествлялся с своими героями и использовал их истории, чтобы выразить свои собственные взгляды на мир.

Баллады Байрона и Гюго также отличаются по своему отношению к романтическим идеалам. Байрон поставил в центре своих баллад одиночество и мучения героя, а также отражал в них свое негативное отношение к обществу и власти. Гюго, напротив, проповедовал идеалы борьбы и свободы, героического преодоления сложностей и катастроф, что находило отклик в сердцах многих его современников.

Сравнительное рассмотрение поэм «Абидосская невеста» Джорджа Гордона Байрона и «Людмила» Василия Андреевича Жуковского позволяет взглянуть на оба произведения сквозь призму романтической литературы, выявить их отличительные черты и общий контекст эпохи, в котором они были созданы. Главное различие между двумя поэмами заключается в культурных контекстах, в которых развиваются сюжеты. Байроновский Восток наполнен экзотикой и романтизмом, что соответствует интересу романтиков к далеким и неизведанным землям, к загадкам и приключениям. Восток в «Абидосской невесте» выступает не только как фон, но и как активный участник истории, создавая добавочный художественный эффект. «Людмила» Жуковского, напротив, черпает свои вдохновения из русского фольклора и национальной культуры. Жуковский пытается передать дух русской земли, её сказочную составляющую и моральные особенности. Поэма насыщена аллегориями и символами, подчёркивающими сверхъестественное воздействие судьбы на человеческие жизни.

Структурные особенности обеих поэм также различны. Байрон создаёт поэму с чёткой структурой и рифмой, уделяя особое внимание музыкальности стиха, что подчеркивает романтическое настроение произведения. Жуковский, следуя традициям балладного стихосложения, использует более разговорную манеру письма, что делает его поэму немного проще для восприятия и более близкой к устной форме народного творчества. Несмотря на эти различия, обе поэмы имеют много общего. В центре и Байроновской «Абидосской невесты», и Жуковской «Людмилы» находится трагическая любовь. Герои обеих поэм пронизаны страданием и неудовлетворённостью, что служит мощным фактором драмы и чувствительности произведений. Эти чувства отражают философию романтизма, уделяющую большое внимание индивидуальности и эмоциональным

переживанием.

На основании вышеизложенного приходим к выводу о том, что баллады В.М. Гюго, Дж. Байрона и В.А. Жуковского демонстрируют наличие как схожих черт, так и различий:

- в отличие от баллад В.А. Жуковского, практически во всех балладах В.М. Гюго присутствуют эпиграфы, которые позволяют не только создать определенный эмоциональный фон произведения, как, например, в «Невесте литаврщика» (Прекрасна смерть, коль умереть любя), но и вступить в диалог с читателем, предварительно рассказав ему часть сюжета;
- в «Людмиле» присутствует фантастический образ «дьявольского коня» (призрачный всадник), который в итоге становится причиной гибели Людмилы. И хотя в «Невесте литаврщика» присутствует образ «колдуны-цыганки», она не становится причиной смерти главной героини;
- у В.М. Гюго главная героиня умирает сразу после осознания того, что ее возлюбленный не вернулся с войны – так выглядит финал произведения. У В.А. Жуковского смерть возлюбленного является лишь завязкой к дальнейшим фантастическим событиям, итогом которых также становится смерть главной героини;
- В.А. Жуковский создает художественное пространство с помощью описания природы, в то время как В.М. Гюго использует с этой же целью описание амуниции воинов;
- баллады Гюго и Байрона различаются как в форме, так и в содержании. В то время как баллады Байрона являются отражением его индивидуальной борьбы с обществом и властью, баллады Гюго более всего связаны с общественными и философскими проблемами своего времени. Оба поэта внесли вклад в развитие романтизма и остались неизгладимым следом в мировой литературе, но каждый в своем собственном стиле и собственными идеалами;
- баллады Байрона и Гюго также отличаются по своему отношению к романтическим идеалам. Байрон поставил в центре своих баллад одиночество и мучения героя, а также отражал в них свое негативное отношение к обществу и власти. Гюго, напротив, проповедовал идеалы борьбы и свободы, героического преодоления сложностей и катастроф, что находило отклик в сердцах многих его современников;
- в «Людмиле» практически отсутствуют временные маркеры, в то время как в «Невесте литаврщика» присутствует большое количество историко-географических маркеров.

Библиография

1. Алексеев М.П. Эпоха романтизма. Из истории международных связей русской литературы. Л.: Наука, 1975. С. 284.
2. Байрон Дж. Г. Баллады и другие стихотворения. М.: Художественная литература, 2003. С. 350.
3. Байрон Дж. Г. Избранная лирика. Сборник/Составл. А. М. Зверева. М.: Радуга, 2004. С. 768.
4. Бакалова З.Н., Бакалов А.С. Образы Дьявольских коней в мировой литературе// Вестник Удмуртского университета // История и филология, № 30 (3), 2020. С. 483-491.
5. Гаспаров Б.М. Язык, память, образ: Лингвистика яз. существования. М.: Новое литературное обозрение, 1996. С. 352.
6. Давыдов Ю. Н. Баллады Жуковского и европейская романтическая поэзия. М.: Академия, 1997. С. 582.

7. Жуковский В.А. Стихотворения и баллады. М.: Детская литература, 2017. С. 268.
8. Гюго В. Собрание сочинений в 15 т. Т. 1. М.: Государственное издательство художественной литературы, 1953. С. 323-560.
9. Евграфов Н. В. Творчество Байрона. М.: Просвещение, 2005. С. 471.
10. Карцев В. А. Слово и образ в балладах Жуковского. М.: Художественная литература, 2004. С. 397.
11. Кружков Г.М. Из английской поэзии XIX века. Спб.: Издательство Ивана Лимбаха, 2008. С. 688.
12. Лебедев С. В. Баллады Байрона. СПб.: Азбука-классика, 2007. С. 752.
13. Марков Н. П. Творческий мир Жуковского. М.: Логос, 2001. С. 295.
14. Толвет Ф. С. Гюго и романтизм. М.: Иностранная литература, 2003. С. 583.
15. Шустова М. Л. Жуковский-переводчик европейских баллад. М.: Весь мир, 1996. С. 426.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

В рецензируемой статье предметом исследования выступают баллады трех выдающихся литераторов разных культур – Василия Андреевича Жуковского (Россия), Джорджа Гордона Байрона (Англия) и Виктора Мари Гюго (Франция), актуальность изучения которых определяется, по словам автора(ов), тем, что «все произведения, несмотря на схожесть жанра, отражают уникальные особенности своих социокультурных контекстов, что неминуемо повлияло на тематическую структуру и применение литературных приемов. Эти различия в российском, английском и французском литературном каноне делают сравнительный анализ баллад актуальным и позволяют глубже понять механизмы влияния культурных факторов на литературное творчество». Актуальность, в свою очередь, обусловила основную цель исследования: «выявить и проанализировать ключевые различия и сходства в образах, мотивах, структуре и языковых средствах, используемых авторами, что позволит более полно осветить их вклад в развитие жанра баллады».

Методологическую базу исследования составили описательный и историко-культурологический методы, метод системного анализа и ключевой компаративистский анализ: «Сравнительное рассмотрение поэм позволяет взглянуть на произведения сквозь призму романтической литературы, выявить их отличительные черты и общий контекст эпохи, в котором они были созданы».

Теоретической основой исследования выступили труды российских ученых Б.М. Гаспарова, М.П. Алексеева, Ю. Н. Давыдова, Н. В. Евграфова, В. А. Карцева, С. В. Лебедева, Н. П. Маркова, Ф. С. Толвета, М. Л. Шустовой, посвященные проблемам эпохи романтизма, творчеству Байрона, Гюго и Жуковского. Отсутствуют научные работы на английском и французском языке, что достаточно странно при исследовании произведений Байрона и Гюго. Основными источниками эмпирического материала послужили баллада «Абидосская невеста» (1813 г.) Байрона, «Людмила» Жуковского (1820 г.) и «Невеста литаврщика» Гюго (1825 г.).

Анализ теоретического материала и его практическое обоснование позволили автору(ам) установить схожие черты и различия в их тематике и структуре, в подходе к представлению баллады, в использовании поэтами стилевых приемов и образов, использование философских тем и пр.: «в отличие от баллад В.А. Жуковского, практически во всех балладах В.М. Гюго присутствуют эпиграфы, которые позволяют не

только создать определенный эмоциональный фон произведения..., но и вступить в диалог с читателем, предварительно рассказав ему часть сюжета»; «В.А. Жуковский создает художественное пространство с помощью описания природы, в то время как В.М. Гюго использует с этой же целью описание амуниции воинов»; «баллады Гюго и Байрона различаются как в форме, так и в содержании, ... также отличаются по своему отношению к романтическим идеалам », «в «Людмиле» практически отсутствуют временные маркеры, в то время как в «Невесте литаврщика» присутствует большое количество историко-географических маркеров». Автор(ы) провели достаточно серьезный анализ состояния исследуемой проблемы. Все цитаты ученых сопровождаются авторскими комментариями.

Библиография статьи насчитывает 15 русскоязычных работ. В библиографическом списке присутствуют фундаментальные научные работы: Гаспаров Б.М. Язык, память, образ: Лингвистика яз. существования. М.: Новое литературное обозрение, 1996; Алексеев М.П. Эпоха романтизма. Из истории международных связей русской литературы. Л.: Наука, 1975. Следует отметить, что автор(ы) практически не апеллируют к научным работам последних лет, что не позволяет судить о реальной степени изученности данной проблемы в научном сообществе.

Теоретическая значимость исследования обусловлена его вкладом в решение современных языковедческих проблем, связанных с изучением жанра баллады. Реценziруемая работа имеет практическую значимость, которая заключается в возможности использования ее результатов в вузовских курсах по лингвокультурологии, по сопоставительной стилистике русского, английского и французского языков, по теории и практике перевода.

Стиль статьи отвечает требованиям научного описания, содержание статьи соответствует названию, логика исследования четкая и понятная. Статья имеет завершенный вид; она вполне самостоятельна, оригинальна, будет интересна и полезна широкому кругу лиц и может быть рекомендована к публикации в научном журнале «Филология: научные исследования».